

ГОСУДАРСТВО И ПОРЯДОК: ИЗ ОПЫТА ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ ПРАВА

© 2022 г. Е. А. Фролова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
Юго-Западный университет политологии и права, г. Чунцин, Китай

E-mail: frolova.msu@mail.ru

Поступила в редакцию 07.07.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются философско-теоретические проблемы соотношения государства и права. Показано, что проблема связанности государства правом имеет метаюридический характер. Предсказуемость правового порядка состоит в следовании государства своим обещаниям, — верховная власть проявляет свою власть в нормах, которые она не только установила, изменяет, но и соблюдает.

Ключевые слова: теоретико-правовые науки, государство, право, ограничение государственной власти, теория правового государства.

Цитирование: Фролова Е.А. Государство и порядок: из опыта теории и философии права // Государство и право. 2021. № 1. С. 46–53.

DOI: 10.31857/S102694520018269-6

STATE AND ORDER: FROM THE EXPERIENCE OF THEORY AND PHILOSOPHY OF LAW

© 2022 E. A. Frolova

Lomonosov Moscow State University;
Southwest University of Political Science and Law, Chongqing, China

E-mail: frolova.msu@mail.ru

Received 07.07.2021

Abstract. The article deals with the philosophical and theoretical problems of the relationship between state and law. It is shown that the problem of the state's being bound by law is of a meta-legal nature. The predictability of the legal order consists in the state's adherence to its promises — the supreme power manifests its power in the norms that it not only established, changes, but also observes.

Key words: theoretical and legal sciences, state, law, limitation of state power, theory of the Rule of Law.

For citation: Frolova, E.A. (2022). State and order: from the experience of theory and Philosophy of Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 46–53.

Право и принуждение

Одним из отличительных признаков права является его связь с государством. Государство с помощью права поддерживает существующие отношения и устанавливает порядок в обществе, охраняя одни отношения, ограничивая развитие других и пресекая возникновение третьих, нежелательных

для тех социальных сил, которые способны определять содержание права.

Государство устанавливает меры воздействия для нарушителей правовых норм. Норма права всегда рассчитана на жизненные обстоятельства, при которых у лица существует выбор вариантов поведения.

Норма не имеет смысла, если ее невозможно нарушить¹. В отличие от нормативных правовых актов в научном смысле (которые необходимы и потому не могут нарушаться) право нарушается даже теми, кто знает и признает его. Право устанавливает в обществе обязательный порядок, однако он качественным образом отличается от необходимого — обязанности мы хотя и должны не нарушать, но все же можем нарушить². Нормы указывают участникам общественных отношений (в случаях, когда можно поступить различным образом) должный вариант. Этот вариант поведения предписывается под угрозой государственного принуждения, применяемого для восстановления нарушенных прав (где это возможно) и (или) для наказания нарушителя обязательств / запрета. Смысл существования права заключается в поддержании определенного порядка, в предупреждении и разрешении индивидуальных и социальных конфликтов, в т.ч. в упорядочении процесса государственного принуждения, применяемого в этих целях³.

Принуждение, обеспечивающее правовой порядок, имеет несколько особенностей. Прежде всего это — организованное принуждение, осуществляемое уполномоченными государственными органами. Монопольное право государства на применение насилия⁴ есть необходимое условие прочности социального порядка. Далее, государственное принуждение, охраняющее право от нарушений, облечено в правовые формы (содержится в санкции правовой нормы) и имеет процессуальный порядок применения. Осуществление принуждения вне

права (даже для защиты права) означает нарушение стабильности в обществе, которая является целью любого права. Стихийное принуждение для установления порядка только лишь в одной области социальных отношений усиливает беспорядок в других сферах. Возводимое в систему самоуправство порождает противостоящую ему самозащиту. Любое государство не заинтересовано в дестабилизации общественных отношений — законодатель рассчитывает на то, что послушание граждан будет обеспечиваться не только принуждением, но и угрозой его применения, которая доводится до всеобщего сведения вместе с содержанием самого предписания.

Ряд правоведов оспаривали принуждение как сущностное качество права. Так, Л.И. Петражицкий считал, что с точки зрения принуждения правовые нормы или образуют бесконечный процесс норм, или оказываются непринудительными⁵. По убеждению Н.М. Коркунова, принудительность не является ни основным, ни даже общим свойством правовых явлений. При соблюдении права, рассуждал он, люди довольствуются вероятностью его соблюдения в большинстве случаев. Будет ли право иметь принудительную санкцию или нет, уверенности в его соблюдении во всех случаях не может быть. Вероятность же соблюдения закона не обусловлена принуждением. Кроме этого, правовед отмечал, что ряд норм права не предполагает их принудительного осуществления⁶.

Действительно, содержание многих правовых предписаний опосредованно связано с государственным принуждением (нормы, определяющие виды субъектов права, юридические факты, порядок совершения действий, порождающих юридические последствия и др.). Все эти нормы имеют большое значение для регулирования общественных отношений, создания правопорядка, решения возникающих споров и конфликтов, но не обладают принудительным характером.

Соотношение права и государственного принуждения — не только предмет научных исследований. На уровне обыденного правового сознания право часто ассоциируется не с правопорядком⁷, а с принуждением. Обостренное восприятие

¹ Без правонарушителей право не имело бы смысла и цели. Согласно Дель Веккио, понятие права и противоправности взаимодополняемы. «Хотя это и покажется на первый взгляд странным, право в точном смысле нарушаемо по своей сущности, и оно является правом благодаря своей нарушаемости. Если бы отсутствовала возможность противоправности, не имело бы смысла утверждения права...» (см.: Антология мировой правовой мысли: в 5 т. М., 1999. Т. III. Европа, Америка. XVII–XX вв. / отв. ред. О.А. Жидков. С. 722).

² См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 75. На различие законов природы и законов права обращал внимание Гегель: законы природы абсолютны и не допускают ограничений, законы права имеют относительный характер. Правовые законы — это законы, идущие от людей. Внутренний голос может либо вступить с ними в коллизию, либо согласиться с ними. Человек не останавливается на налично сущем, а утверждает, что внутри себя обладает масштабом правового: он может подчиниться необходимости и власти внешнего авторитета, но никогда не подчиняется им так, как необходимости природы. Этим обусловлены в праве коллизии между тем, что есть, и тем, что должно быть (см.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 57).

³ См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 59, 60.

⁴ О понимании насилия в философии права см.: Жуков В.Н. Насилие // Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 427–429.

⁵ См.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. С. 273, 274; см. также: Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. СПб., 1910. С. 16.

⁶ По мысли Н.М. Коркунова, требования, относящиеся к содержанию, особенно, к личным услугам, не могут быть осуществлены посредством принуждения. Нельзя человека силой заставить выполнять какой-то труд. Его можно подвергнуть наказанию, но наказать не значит заставить. Могут быть случаи, когда человек скорее пойдет на виселицу, нежели исполнит то, что требуется (см. об этом подр.: Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 96–102).

⁷ Содержание правопорядка в теоретико-правовых науках см.: Корнев В.Н. Правопорядок // Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. С. 559, 560.

населением этого вопроса связано с многочисленными случаями произвольного применения насилия со стороны государства. В случаях, когда принуждение направлено на защиту несправедливого права или вопреки праву (меры государственного принуждения могут быть несоразмерны содеянному), вопрос соотношения права и принуждения становится острой социальной проблемой. Без отлаженного механизма применения санкций за нарушения запретов право становится бессильным, а права членов общества превращаются в декларации, поскольку власть не способна организовать полноценное восстановление нарушенных прав, принуждение к исполнению обязанностей, наказание нарушителей запретов в праве⁸.

В советской литературе теме принуждения в праве придавалось особое значение. Некоторые авторы даже утверждали, что право в целом обладает общепринудительным характером⁹. Такой подход был связан с политико-правовыми установками и особенностями жизнедеятельности советского общества, в котором общественные отношения были огосударствлены. В 90-е годы XX в. в условиях разгосударствления и деидеологизации общества отношение к назначению права меняется: несмотря на то, что санкции по-прежнему считаются важным компонентом правовой системы каждого общества, за правом признается широкий спектр задач, его функции как социального регулятора значительно расширяются.

В целом можно заметить, что прогресс правопорядка означает воспреещение частного насилия. На развитой степени общественности осуществление принуждения допускается только уполномоченными государственными органами, которые должны пользоваться принуждением лишь для осуществления правомерных требований. При таком порядке принуждение служит исключительно праву. Таким образом, монополия государства на применение насилия обеспечивает условия стабильности в обществе, сообщая большую твердость тем правилам, которые могут быть принудительно осуществлены. Согласно метафоре Р. Иеринга, правосудие в одной руке держит весы, которыми оно взвешивает право, а в другой руке меч, которым утверждается право. Меч без весов есть голое насилие, весы без меча — бессилие права. Оба связаны друг с другом, и совершенный правовой порядок господствует только там, где сила,

с которой правосудие держит меч, равняется искусству, с которым оно владеет весами¹⁰.

Еще раз подчеркнем — угроза применения насилия не исчерпывает содержание права. В цивилизованном обществе присутствует убежденность, что главный ориентир права — это предупреждение конфликтов, упорядочение решения споров, восстановление нарушенных прав. Этими юридическими способами создается не только политическая стабильность, но и формируется правовое государство, главная ценность которого — права и свободы личности.

Государство и право: проблемы соотношения

Правом становятся не любые предписания, а только те нормы и отношения, которые официально признаны, охраняются и поддерживаются государством. В конечном счете именно от государства зависит, какие действия запрещать, какие отношения регулировать и охранять, каким обстоятельствам придавать юридическое значение. Тем самым государство берет на себя ответственность за порядок в обществе. Если это сделать не удастся — сначала в государстве меняется верховная власть, а затем изменяется содержание права или способы его осуществления.

Возникает вопрос: чем руководствуется государство, создавая / санкционируя те или иные нормы права? В правовой науке распространена точка зрения, согласно которой государственная власть есть основанная на силе воля властвующих, выражающая прежде всего интересы самих властвующих; с помощью норм права поведение подвластных приспособляется к интересам властвующих. Поэтому государство, этот Левиафан, во все исторические времена вызывало у народа желание ограничить его деятельность, установив пределы государственного всемогущества.

Действительно, если государство стоит выше права, не санкционируется ли таким образом властный произвол? Чем государство отличается от «шайки разбойников» (термин Августина Блаженного), и насколько оно само способно подчиняться правовому порядку?

В теоретико-правовой науке однозначного ответа на эти вопросы нет. Хорошо известно, что государственный порядок может не соответствовать тем требованиям, которые ему предъявляет общество в качестве необходимых на данном этапе своего развития. Логически, исторически, практически возможно не только расхождение, но и противостояние между правом, которое поддерживает государство, и правом желательным, исходящим от членов общества.

⁸ См.: *Лейст О. Э.* Указ. соч. С. 62, 63.

⁹ По утверждению А. Я. Вышинского, право представляет собой нормы, осуществляемые в принудительном порядке при помощи государственного аппарата (см.: *Вышинский А. Я.* Вопросы права и государства у К. Маркса // Сов. государство. 1938. № 3. С. 40).

¹⁰ См.: *Иеринг Р.* Избр. труды: в 2 т. СПб., 2006. Т. 1. С. 24.

Преодолеть политическое отчуждение в разные времена предлагалось с помощью: естественного права, имеющего надгосударственный характер, мудрой политики просвещенного монарха, установления неотчуждаемых прав и свобод человека, механизма разделения властей, демократического устройства государства, при котором оно фактически сливается с народом, социальной революции и др. Радикальный вариант преобразований не порождает стабильность в обществе — социальной революцией можно свергнуть власть тирана, однако нельзя установить твердый правопорядок. В революции повинна тупость правительства, медлящего с проведением назревших в обществе реформ (Кант), революция — «отрицательная свобода», «свобода пустоты», «фурия разрушения» (Гегель), за революцией неминуемо следует контрреволюция (Герцен). Задача мудрого правителя во все эпохи — своевременно разрешить это противоречие, не допуская разрушительных процессов в социуме. Мирный переход к новому обществу, безусловно, предпочтителен, однако он происходит только там, где властвующие лица отличаются дальновидностью, или где внешняя опасность требует напряжения всех общественных сил (Шершеневич).

Всякий, обладающий властью, способен ею злоупотребить. Для устранения произвола или сведения его к минимуму теоретики и философы права предлагали разные способы. Одно из известных средств сдерживания произвола властителей — теория разделения властей в различных вариациях¹¹.

Связанность государства правом

Логическим ограничением верховной власти признают связанность государства правом — считается, что таким образом устанавливаются пределы всемогущества государства, прежде всего в области законотворчества. Вместе с тем, решая этот вопрос формально-юридически, можно утверждать, что государство само себе ничего предписать не

может. Выступая источником права, оно не может быть само обусловлено правом: если нормы права выражают требования, обращенные государственной властью к подчиненным, то правила, определяющие устройство и деятельность самой государственной власти, не могут иметь правового характера. Г.Ф. Шершеневич был во многом прав, утверждая, что государственная власть не подчинена праву: «требование, обращенное к самому себе под угрозой, не имеет никакого значения»¹². Добавим — не имеет *юридического* значения (в греческой философии получила распространение мысль о зависимости действий правителя от принимаемых им законов с точки зрения морали. В XII в. Грациан считал, что с позиции естественного права князья связаны своими законами и должны по ним жить. В Новое время Спиноза отстаивал положение, согласно которому верховная власть имеет нравственные ограничения и не должна своими действиями вызывать раздражение у граждан).

Проблема связанности государства правом имеет метаюридический характер, силами только лишь юридического позитивизма этот вопрос решить нельзя. Так, с позиции естественного права вопрос различения права и произвола нашел теоретическое разрешение в концепции представителя марбургской школы неокантианства Р. Штаммлера. Право, утверждал он, есть правило поведения, которое должно быть соблюдаемо властью, его устанавливающей, пока оно не будет заменено новым правилом. Если же власть, установившая правило, не считает нужным его соблюдать, а действует в каждом конкретном случае по своему усмотрению, то право сменяется произволом. Более категоричен немецкий государствовед Г. Еллинек, считавший, что эта проблема не имеет общетеоретического решения. Согласно его подходу, тема соответствия деятельности государства праву может рассматриваться лишь конкретно-исторически — применительно к отдельному народу и определенному периоду его развития¹³.

Вопрос взаимозависимости государства и права — один из центральных для фундаментальной юриспруденции. В той или иной степени, все юристы сходятся во мнении, что готовность населения подчиняться верховной власти имеет свои границы и, если государственная власть перейдет за пределы того, с чем могут примириться подвластные ей лица, она должна ожидать выражения недовольства со стороны населения. Формы недовольства народа в каждом конкретном случае могут быть различны: от глухого ропота населения и его

¹¹ В этой связи интересны теоретические опыты Б. Константа и Г.В.Ф. Гегеля по корректировке теории Ш.Л. Монтескье. Согласно Константу, органом исполнительной власти являются только министры, а король — орган особой умеряющей власти. Король не имеет другого интереса, кроме как поддерживать порядок и свободу, он парит над человеческими тревожениями. Верх совершенства политической организации заключается в том, что таким образом создается сфера твердости, величия, безопасности, позволяющая обществу спокойно развиваться. В случае раздоров, выходящих за известные пределы, король принимает действенные меры. Гегель также выделяет власть короля как особую объединяющую власть, считая, что судебная и исполнительные власти должны рассматриваться как подразделения одной власти. Кроме королевской власти он выделял законодательную власть (власть определять общее) и правительственную, действующую как суд и как администрация (власть подведения частных случаев под общее правило) (см.: Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 311; см. также: Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 324).

¹² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учеб. пособие: в 2 т. М., 1995. Т. I. С. 251.

¹³ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 362.

пассивного сопротивления верховной власти (например, отказ платить налоги) до мятежей и вооруженных восстаний.

В концептуальном плане существует два варианта решения вопроса ограничения государственной власти. Во-первых, *теория самоограничения государства*. Согласно этой позиции, эгоизм властвующих лиц подсказывает им умеренность в правовом творчестве: они могут охранять правом свои интересы только тесно сплетая их с интересами подвластных. Подвластные, в свою очередь, также заинтересованы в правовом порядке, поскольку наличие какого-либо порядка лучше его отсутствия¹⁴. Эти идеи отражают подход Р. Иеринга: «право есть хорошо понимаемая политика силы», благоразумие принуждает властвующих к самоограничению. Во-вторых, *теория ограничения государства правом*. Суть этой концепции заключается в том, что государство сдерживает свои интересы в созданных им самим рамках, поскольку нарушению этих границ мешает право. Данный подход в разных модификациях отстаивали представители доктрины классического и «возрожденного» естественного права. Так, Дж. Локк, доказывая необходимость верховенства права, настаивал на постоянном и едином для всех законе: как для фаворита при дворе, так и для крестьянина за плугом. В конце XIX — начале XX в. идеи правовой связанности государства развивали многие русские юристы и философы права (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.М. Гессен, И.А. Ильин, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, И.А. Покровский, П.Б. Струве, Е.В. Спекторский, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк и др.).

Возникает вопрос: если самоограничение государства имеет правовой характер, то где найти эту высшую волю, которая была бы для него обязательной? Если государство само ставит себе границы, то что ему мешает переставить их с учетом собственных интересов? Каким образом, при неясности природы властвования, государство может выступать гарантом прав и свобод человека? (Еще в XVII в. теоретики естественного права заявляли, что меч государства быстро заставит замолчать всех с ним несогласных.)

Фактически государственную власть, как было отмечено, ограничивают два обстоятельства: нравственное сознание и / или благоразумие властвующих¹⁵

и возможность противодействия со стороны граждан. Мудрый законодатель не начинает с установления законов, он выступает в роли архитектора, зондирующего, вынесет ли народ предлагаемые ему законы (дух законодателя есть «дух умеренности», который рождает право (Монтескьё)). В свою очередь, подвластные также заинтересованы в устойчивом правовом порядке — он дает гражданам уверенность в обеспеченности их прав и свобод. При этом форма правления не оказывает решающего воздействия ни на декларирование прав и свобод, ни на механизм их реализации. Так, например, сторонник абсолютной монархии Т. Гоббс считал, что гарантировать индивидуальные права и свободы способен только авторитарный правитель (в начале английской революции Гоббс обосновывал правомерность власти Карла I, а после его казни — протекторат О. Кромвеля). Согласно Б. Констану, республика не гарантирует общественного спокойствия, а монархия — свободы. Какое спокойствие было в Риме при Нероне, Домициане? В Сиракузах при Дионисии? Во Франции при Людовике XI или Карле IX? Была ли свобода при деспотизме, Длинном Парламенте, Конвенте или Директории? В отношении монархии Констан риторически замечал: «Кто будет отрицать, что в Англии за последние 120 лет люди пользовались гораздо большей личной безопасностью и большими правами, чем во Франции, где несовершенство и уродливость республиканских институтов порождали произвол и множили тиранов?»¹⁶.

Начиная с середины XIX в. в наибольшей степени стабильность и справедливый общественный правопорядок юристы либерального направления связывают с деятельностью правового государства. В исторической ретроспективе правовое государство пришло на смену полицейскому государству с его тотальной регламентацией частной жизни, — на место полицейских мер, легко переходивших в произвол, была установлена система объективного права, как гарантия законности и правопорядка¹⁷. Таким образом, правовое государство ограничивалось в своей деятельности охраной субъективных прав, предоставляло свободу борьбе частных интересов, оставаясь, по меткому выражению Ф. Лассалля, в роли «ночного сторожа».

В теоретическом плане правовое государство — это идея, философско-правовое понятие, программное

¹⁴ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. Т. I. С. 261.

¹⁵ Так, например, Б. Констан считал, что, если человек, находящийся у власти, разумен, он никогда не перейдет границ опасности (см.: Констан Б. Об узурпации // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли / сост. М.А. Абрамов и др.; отв. ред. М.А. Абрамов. М., 1995. С. 221). Согласно Г.Ф. Шершеневичу, чувству совести в области нравственности соответствует чувство законности в области права. Как чувство совести представляет лучшее обеспечение нравственного порядка, так чувство законности является лучшей гарантией правового порядка. Если лица, стоящие во главе управления государством, усвоили себе чувство законности,

то они будут держаться законных форм в силу привычки и потому, что они предвидят силу оппозиции в случае отступления. Напротив, лица, пропитанные духом произвола, став у власти, легко будут нарушать закон (см.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. Т. I. С. 246, 247).

¹⁶ Констан Б. Об узурпации. С. 198.

¹⁷ Полицейское государство имеет тенденцию к подробной регламентации и регулированию всех общественных отношений статьями писанных законов, характеризуется формализмом и бюрократизмом. Этим оно качественным образом отличается от правового государства (см.: Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 371).

положение, предполагающее длительную и широко-масштабную работу. (Как подчеркивал Шершеневич, правовое государство — это проблема, поставленная государству временем.) Государство должно быть устроено таким образом, чтобы оно стало правовым. В этом заключается суть разделения властей как системы сдержек и противовесов в общем механизме органов государственной власти, создающей гарантии правомерности деятельности каждой из них. Практикой и наукой выработаны различные модели полномочий и соотношения государственных органов, главное в этой системе — создание государственной структуры, соблюдающей и охраняющей правовую систему гражданского общества. Кроме этого правовое государство — это не только (и не столько) способ организации государства, сколько состояние государственной власти на всех ее уровнях.

Часто отличительной чертой правового государства называют верховенство закона. Однако, как известно, законы бывают разные: проекты, в которых детальным образом регламентируются семейные, трудовые, бытовые отношения (какую одежду носить, как отдыхать, как развлекаться, как питаться и т.д.) не относятся к правовому государству. Такие властные предписания характеризуют сословно-рабовладельческое общество («Законы» Платона) или казарменно-коммунистическое («Город Солнца» Кампанеллы, «Закон свободы» Уинстенли, «Кодекс природы» Морелли, «Истинная система» Дешана, «Путешествие в Икарию» Кабе).

Основу гражданского общества образуют качественно иные законы — законы свободы и равенства. Поэтому устройство правового государства есть не самоцель, а средство обеспечения прав и свобод человека.

Узурпация власти: теоретический аспект

Отдельный вопрос теоретико-правовых наук — понимание, оценки и отношение граждан к произволу государственной власти. Большой вклад в теоретическое осмысление системы узурпации внес Б. Констан. В отличие от монархии, считал он, узурпация есть сила, ничем не измененная и ничем не смягченная; она несет на себе отпечаток личности узурпатора, который находится в постоянном состоянии недоверия и враждебности. К порокам, сопутствующим факту узурпации, добавляются пороки его личности. «Сколько хитрости, сколько насилия, сколько вероломства узурпация с необходимостью привносит в жизнь общества! Ведь нужно ссылаться на принципы, которые собираешься поправить, брать обязательства, которые собираешься нарушить, играть на доверчивости одних, пользоваться слабостью других, пробуждать дремлющую жадность, поощрять таящуюся

несправедливость, разврат»¹⁸. Узурпатор — всегда беспокоен и мятежен, он не верит в права, которые себе присвоил, хотя и принуждает всех признавать их. Беззаконие преследует его как фантом. Он издает законы — и изменяет их; основывает империи — и разрушает их. Его никогда не удовлетворяет собственный замок, построенный на песке. Узурпация создает военизированную систему — узурпатор может опереться только на вооруженную силу. По мысли Констан, узурпация есть более страшное зло, чем абсолютный деспотизм. Деспотизм — это «правление, при котором воля господина признается единственным законом; где объединения и корпорации, если таковые вообще существуют, суть лишь органы властителя; где правитель рассматривает себя единоличным собственником своей империи, а в своих подданных видит только пользователей доходами; где свобода может быть отнята у граждан без объяснения властями каких-либо причин; где суды подчинены капризам власти, и их приговоры могут быть отменены; где оправданных могут поставить перед новым судом, которому вменено в обязанность лишь осуждать. <...>. Принцип такого государства — произвол»¹⁹. Если при деспотизме под запрет попадают все дискуссии и от членов общества требуется лишь подчинение, то узурпатор более коварен. Дело в том, что последний, имитируя свободу, объединяет в себе «все зло анархии и рабства»: именно узурпаторы изобрели обращения и монотонные поздравления — «обычная дань, которую во все времена расточают одни и те же люди в тех же словах и при помощи мер, противоположных ожидаемому результату... Кто не понимает, что чем большим притеснителем выступает государство, тем в большей степени напуганные граждане поспешат воздать ему хвалу за его энтузиазм командования! (...) Узурпатор накапливает все эти приветствия и воззвания — ведь будущее будет судить о нем по этим памятникам, воздвигнутым им самим»²⁰. Если народ поработен, но не унижен окончательно, у него есть надежда на лучшее будущее — деспотизм не отнимает этого последнего шанса. Узурпатор же не только угнетает народ, но и унижает его; он вынуждает людей попирать то, что они уважали, восхвалять то, что презирали, и презирать самих себя.

Освободиться от политического гнета узурпатора можно различными способами, однако положительный долговременный результат окажется в обществе с развитым самосознанием граждан. Многие философы права подчеркивают активность личности и ее способность не только отстаивать свои субъективные права, но и деятельно противостоять произволу со стороны верховной власти. Так, и в XXI в. не потерял значения подход немецкого юриста второй половины

¹⁸ Констан Б. Об узурпации. С. 201.

¹⁹ Там же. С. 202, 221.

²⁰ Там же. С. 206.

XIX столетия Р. Иеринга. Деспотизм, полагал он, всегда начинал с посягательства на частное право, с насилия над отдельными лицами. В этих условиях «каждый призван и обязан подавлять гидру произвола и беззакония, где только она осмеливается поднимать свою голову; каждый, пользующийся благодеянием права, должен в свой черед так же поддерживать по мере сил могущество и авторитет закона — словом, каждый есть борец за право в интересах общества»²¹. В случае, когда действия государственных органов и должностных лиц утрачивают свою безусловность, правосудие начинает осуществляться не по закону, а как-то иначе, такое государство деградирует. При этом для его низвержения не обязателен политический переворот: оно само себя постепенно изживает.

* * *

Ныне в ряде государств состояние законности вызывает опасения: принятие многочисленных и не всегда продуманных нормативных актов, их скорая отмена / замена другими, не менее спорными нормативными актами, — все это не только не порождает социальную стабильность, но, напротив, создает устойчивое убеждение большинства граждан в некомпетентности должностных лиц и их нежелании / невозможности своевременно решать насущные жизненные проблемы населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. М., 1999. Т. III. Европа, Америка. XVII—XX вв. / отв. ред. О.А. Жидков. С. 722.
2. Вышинский А.Я. Вопросы права и государства у К. Маркса // Сов. государство. 1938. № 3. С. 40.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 57, 311.
4. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 362.
5. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. С. 37, 38.
6. Иеринг Р. Избр. труды: в 2 т. СПб., 2006. Т. 1. С. 24.
7. Жуков В.Н. Насилие // Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 427—429.
8. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 371.
9. Констан Б. Об узурпации // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли / сост. М.А. Абрамов и др.; отв. ред. М.А. Абрамов. М., 1995. С. 198, 201, 202, 206, 221.
10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 75, 96—102, 324.
11. Корнев В.Н. Правопорядок // Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 559, 560.
12. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 59, 60, 62, 63.
13. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. С. 273, 274.
14. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. СПб., 1910. С. 16.
15. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учеб. пособие: в 2 т. М., 1995. Т. I. С. 246, 247, 251, 261.
1. Anthology of World legal thought: in 5 vols. M., 1999. Vol. III. Europe, America. XVII—XX centuries. / rev. ed. O.A. Zhidkov. P. 722 (in Russ.).
2. Vyshinsky A. Ya. Questions of law and state in K. Marx // Soviet State. 1938. No. 3. P. 40 (in Russ.).
3. Hegel G. V.F. Philosophy of Law. M., 1990. P. 57, 311 (in Russ.).
4. Jellinek G. The General doctrine of the state. SPb., 2004. P. 362 (in Russ.).
5. Iering R. Struggle for the law. M., 1991. P. 37, 38 (in Russ.).
6. Iering R. Selected works: in 2 vols. SPb., 2006. Vol. 1. P. 24 (in Russ.).
7. Zhukov V.N. Violence // Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and additional / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 427—429 (in Russ.).
8. Kistyakovskiy B.A. Philosophy and Sociology of Law. SPb., 1998. P. 371 (in Russ.).
9. Constant B. On usurpation // On freedom. Anthology of Western European classical liberal thought / comp. M.A. Abramov, etc.; res. ed. by M.A. Abramov. M., 1995. P. 198, 201, 202, 206, 221 (in Russ.).
10. Korkunov N.M. Lectures on the General theory of law. SPb., 2003. P. 75, 96—102, 324 (in Russ.).
11. Kornev V.N. Law and order // Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and additional / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 559, 560 (in Russ.).
12. Leist O.E. The essence of law. Problems of theory and Philosophy of Law. M., 2002. P. 59, 60, 62, 63 (in Russ.).
13. Petrazhitzky L.I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. SPb., 1909. P. 273, 274 (in Russ.).
14. Trubetskoy E.N. Lectures on the Encyclopedia of Law. SPb., 1910. P. 16 (in Russ.).
15. Shershenevich G.F. General theory of law: textbook: in 2 vols. M., 1995. Vol. I. P. 246, 247, 251, 261 (in Russ.).

²¹ Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. С. 37, 38.

Сведения об авторе

ФРОЛОВА Елизавета Александровна — доктор юридических наук, заведующая кафедрой теории государства и права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); приглашенный профессор Юго-Западного университета политологии и права; 401120 Китай, г. Чунцин, 301, проспект Баошэнг, район Юйбэй

Authors' information

FROLOVA Elizaveta A. — Doctor of Law, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; 1, bld. 13 Leninskie Gory (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; Visiting Professor, Southwest University of Political Science and Law; 301, Baosheng Ave Huixing str. Yubei Distric, 401120 China, Chongqing